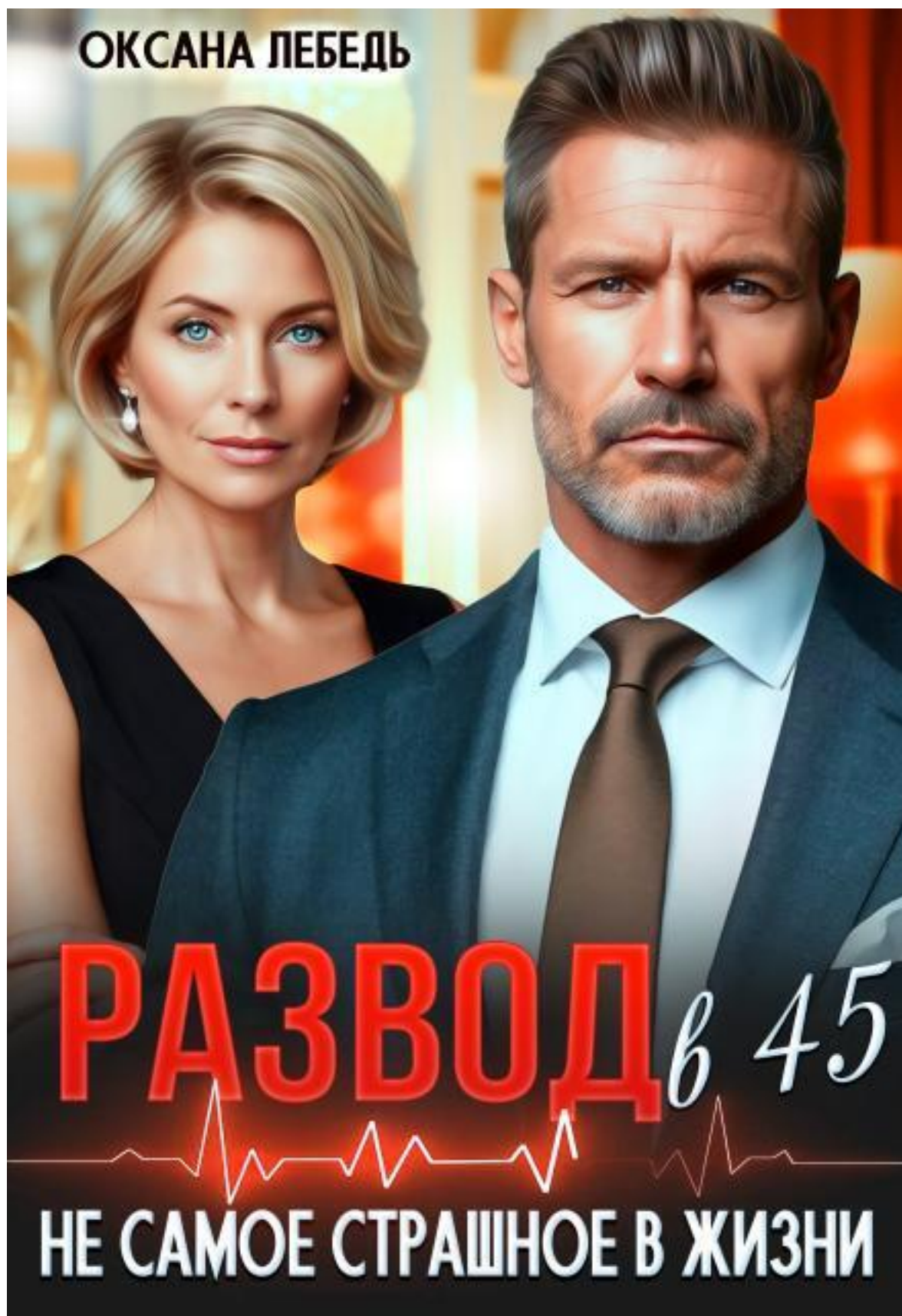

ОКСАНА ЛЕБЕДЬ

РАЗВОД в 45

НЕ САМОЕ СТРАШНОЕ В ЖИЗНИ

Оксана Лебедь

**Развод в 45. Не самое
страшное в жизни**

«Литнет»

2025

Лебедь О.

Развод в 45. Не самое страшное в жизни / О. Лебедь — «Литнет», 2025

- Так это правда, – шепчу я. Чувствую, как в груди поднимается крик, но вместо него выходит только шёпот:— После всего, что я пережила... после того, что я победила... ты выбрал её. Максим закрывает глаза, будто не может вынести моего взгляда. Василиса же смотрит прямо, уверенно, и её пальцы почти незаметно касаются его руки. Слова рвутся сами, я больше не могу их держать внутри.— Ты выбрал её?! – мой голос срывается, эхом отскакивает от стен. – Мою сестру! Девчонку, которая никогда ни за что не отвечала, ни дня не жила по-настоящему!***Пять лет я боролась с раком груди. После двадцати лет брака я думала кусок плоти не имеет значения, но оказалось, что это не так. Меня предали все. Развод в 45, не самое страшное в жизни и это я знаю точно!

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	15
5	17
6	22
7	26
8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

1

Я держу в руках лист бумаги. Снова и снова читаю: «Ремиссия устойчивая. Опухоли нет». Ладонь дрожит – от счастья.

Выходя из клиники на Ленинградке, резко вдыхаю холодный октябрьский воздух. Москва шумная, быстрая, но сегодня кажется доброй. Люди спешат по своим делам, сигналият машины, мимо проносятся трамвай. И вдруг понимаю: я снова часть этого города, этой жизни. Я не пациент. Я – врач, женщина, человек.

Домой возвращаюсь затемно. В квартире тихо. Снимаю пальто, ставлю пакет с покупками на стол и чувствую, как сердце бьётся быстрее. Хочу, чтобы этот вечер был особенным.

На стуле в спальне висит новое чёрное платье. Я купила его сегодня почти без раздумий – как знак новой жизни. Провожу пальцами по ткани: мягкая, гладкая, будто хранит в себе тайну.

Я медленно надеваю его, пальцы чуть дрожат на гладкой ткани. Я пытаюсь улыбнуться, но взгляд всё равно скользит вниз – туда, где пустота. Прикрываю грудь ладонью и остро ощущаю боль и страх.

И вдруг память накрывает меня.
После операции я впервые показала Максиму шрамы. Я ждала – хотя бы одного слова: «*Ты всё та же*». Но он лишь обнял поверх халата и отвёл глаза, будто боялся моего тела.

Потом пошли бесконечные задержки на работе. «Переговоры, встречи, кризис», – говорил он. А я знала: он уходит не от контрактов, а от запаха лекарств, от моей боли. Я жила капельницами и анализами, он – звонками и бумагами. Мы жили вместе, но словно в разных мирах.

Ночами мы лежали рядом, «Тебе же больно», – шептал он и отворачивался. В этих словах не было нежности, только желание сохранить дистанцию. И я понимала: мы стали чужими в одной постели.

Но теперь всё иначе. Я снова здорова, внутри столько энергии и жизни. Я верю: Мы снова будем смеяться, снова будем целоваться на кухне под бокал вина, как раньше. А скоро и моя грудь станет даже лучше чем раньше.

Поправляю платье, выпрямляю плечи. Смотрю в зеркало и шепчу:
– Ты справилась. Все изменится.

Звонок в дверь раздаётся неожиданно. Сердце срывается: *Максим!* Я бегу в прихожую, придерживая подол, и с улыбкой распахиваю дверь. Но на пороге – Василиса.

– Васька? Ты чего тут? – растерянно улыбаюсь и пропускаю её в квартиру. – Заходи! – сестра проходит, снимает туфли на высоком каблуке, и я сразу тащу её в спальню. – Пойдём, поможешь мне! – Сажаю её на край кровати, сама встаю у зеркала. – Смотри, купила сегодня. Чёрное. Ну как?

Я жду восхищения, поддержки, хотя бы искру в её глазах. Но Василиса лишь скользит взглядом и сухо спрашивает:
– Хорошо сидит. Как ты? Что сказал врач?

Мы с ней никогда не были близки. Она – мамино любимое дитя, я – папина гордость. Только папы уже пятнадцать лет нет. Мама всегда была главной в семье, и её снисходительность к Василисе меня раздражала. В детстве мне пришлось подрабатывать, чтобы покупать себе мелочи, а сестрёнке всё доставалось просто так. Наверное, поэтому я до сих пор чувствую обиду, хоть и люблю Ваську. Мне не нравится, что она сидит на шее у мамы и у меня, кланчит деньги, бегаёт по фотосессиям, получает копейки и все чего-то ждёт.

Я делаю шаг ближе.
– Опухоли нет. Всё, Вась. Я победила! – поворачиваюсь вокруг себя. – Ну как? Думаешь, Максиму понравится?

– Что? Не знаю. Наверяд ли, – она поднимает брови. Её взгляд напряжённый, отстранённый. Обычно сестра ведёт себя дружелюбно, но сегодня что-то не так.

– У тебя что-то случилось? – спрашиваю я больше из вежливости и так знаю, что ей опять нужны деньги. Вздыхаю и поправляю волосы. – Ну, говори. Сколько на этот раз? На что нужны деньги?

– На ребёнка.

Я замираю. По спине пробегает холодок. Знаю с кем Васька обычно встречается, байкеры, тусовщики. Уверенна, парнишка уже сбежал поджав хвост.

Я смотрю на неё сверху вниз, как старшая сестра, и слова сами срываются с губ:
– Беременна? Ты с ума сошла? Ты ведь даже не работаешь. На что ты будешь содержать ребёнка? Мама на пенсии, я не смогу всё тянуть. Ты понимаешь, какие это расходы? Или ты на меня надеешься? – выдыхаю и опускаю руки. Это уже случилось. Скоро Василиса станет мамой, и ничего не изменить. Я бы и сама хотела стать матерью, но уже смирилась с мыслью что это не возможно. – И кто отец?

Она поднимает глаза. Секунда тишины. Потом встаёт. Расправляет плечи, смотрит прямо, холодно и гордо.
– Максим, – произносит она, словно бросает вызов.

Меня сбивает с толку ее уверенный голос, словно я знакома с этим мужчиной.
– Я его знаю?

– Максим. Твой муж, – отвечает Василиса и чуть склоняет голову. И отводит глаза.

– Что?.. – я зажмуриваюсь, мир расплывается, а фигура сестры тонет в белой дымке.

Слова Василисы летят в меня, словно камни «Максим. Твой муж», болью отзываются во всем теле.

Ноги немеют, хватаюсь за зеркало, чтобы не упасть. Внутри всё выворачивается. Как же так? Я же верила... верила, что с выздоровлением всё изменится. Что он снова увидит во мне женщину, а не больного соседа. Что мы будем смеяться, пить вино, строить планы. Что я вернусь к себе – и к нему.

Я даже решилась на операцию. Хотела восстановить грудь, вернуть то, что забрала болезнь. Мне казалось, стоит лишь убрать этот шрам, и между нами снова зажёгся искра. Я столько раз представляла, как он смотрит на меня с прежним огнём в глазах.

А теперь понимаю: всё это время он смотрел на другую. На мою сестру.

Грудь сжимает, дыхание становится рваным. Я поднимаю взгляд на Василису. Она стоит передо мной – молодая, красивая, наглая. Та, кого всегда любила мама. Та, кому всегда всё доставалось легче. Теперь – даже мой муж.

Я шепчу одними губами, больше себе, чем ей:
– Но я ведь... я ведь хотела всё вернуть...

В квартире тяжёлая тишина. Я всё ещё стою у зеркала, будто прикованная к месту. Василиса не отводит взгляда – в её серых глазах вызов, холодная победа.

И в этот момент щёлкает замок. Звук ключа в двери будто разрезает воздух. Сердце срывается в безумный бег. Максим.

Я оборачиваюсь к двери, но ноги не слушаются. Василиса чуть приподнимает подбородок, губы её трогает едва заметная улыбка. Она не двигается, будто ждёт спектакля.

– Лида? – раздаётся усталый голос мужа из прихожей. – Ты дома?

Я хватаюсь за подол платья, сминаю ткань в пальцах. Всё во мне кричит: «Спроси! Обвини! Разрушь эту ложь!» Но я застываю. Потому что ещё надеюсь – вдруг это ошибка, недоразумение, злой розыгрыш. Максим не могу со мной так поступить. Васька же моя сестра, он знает ее с малых лет. Он бы не посмел.

Максим появляется в дверях спальни. Его взгляд сразу падает на меня – в новом платье, с бледным лицом. Потом – на Василису. И что-то мгновенно меняется в его глазах. Слишком быстро. Слишком заметно.

Я чувствую, как земля уходит из-под ног, мне все сложнее дышать и держаться на ногах.

– Вы... что вы тут делаете? – его голос чуть срывается, но он старается держаться спокойно.

Чувствую, как дрожат колени, но выпрямляю спину. Пусть внутри всё разваливается – я не дам им увидеть мою слабость. Надежда, что это ерунда придает мне сил.

– Максим, – голос звучит тише, чем я рассчитывала, но каждое слово острое, как скальпель. – Скажи мне... правда ли это?

Он замирает. Не делает ни шага ко мне, ни жеста. Просто смотрит, словно его застали врасплох.

– Что именно? – наконец произносит, слишком медленно и осторожно.

– То, что сказала Василиса. – Я почти не дышу. – Она беременна, – поджимаю губы, как же это сложно сказать. – От тебя.

Василиса, всё это время молчавшая, подходит к Максиму, становится рядом с ним и я замечаю как он машинально поднимает руку к ее талии, но останавливается.

– Лида... – начинает он, и в этом «Лида» я слышу жалость, а не любовь. – Я хотел тебе сказать. Всё это время... но ты была так слаба. Я не мог.

Каждое его слово, словно приговор.

– Так это правда, – шепчу я.

Чувствую, как в груди поднимается крик, но вместо него выходит только шёпот:

– После всего, что я пережила... после того, что я победила... ты выбрал её.

Максим закрывает глаза, будто не может вынести моего взгляда. Василиса же смотрит прямо, уверенно, и её пальцы почти незаметно касаются его руки.

Слова рвутся сами, я больше не могу их держать внутри.

– Ты выбрал её?! – мой голос срывается, эхом отскакивает от стен. – Мою сестру! Девчонку, которая никогда ни за что не отвечала, ни дня не жила по-настоящему!

Василиса вскидывает подбородок, будто бросает вызов: – Не смей так обо мне говорить. Я взрослая женщина и вообще-то я здесь!

– Женщина? – я смеюсь резко, горько. – Ты – ребёнок, который привык получать всё просто так. Мама прощала, я тянула, а теперь... – я срываюсь на крик, – теперь ты решила забрать и мою жизнь?! Моего мужа?! – Перевожу взгляд на Максима. Сердце грохочет так, что кажется – ещё секунда, и оно вырвется наружу. – А ты? Ты двадцать лет был рядом! Ты видел, как я умирала и поднималась снова. Видел, как я теряла всё, и всё равно вставала утром, чтобы работать, чтобы жить, чтобы мы жили. Я держалась за нас, Максим! Всё это время – только за нас! – Он делает шаг ко мне, будто хочет успокоить, но я отступаю. – Не подходи! – кричу. – Ты предал меня в тот момент, когда я нуждалась в тебе больше всего. Пока я боролась за жизнь, ты спал с моей сестрой.

Василиса резко вмешивается, голос её звенит от ярости и гордости:

– Он выбрал меня, потому что я живая! Потому что это любовь! Понимаешь, любовь? – выкрикивает Василиса.

Я вцепляюсь пальцами в край зеркала, будто только оно удерживает меня на ногах. Внутри пустота, из меня словно вытащили душу щипцами.

2

Максим резко поворачивается к ней. Его лицо каменеет, голос звучит низко и жёстко: – Хватит.

– Но, Макс... – она тянется к нему, но он отстраняется.

– Я сказал: хватит! – его голос звучит по-настоящему грубо. – Сейчас, тебе лучше уйти. Василиса смотрит на него с недоверием, губы дрожат от возмущения.

– Ты серьёзно? Ты меня прогоняешь?

– Да. – Его взгляд твёрдый, словно не терпит возражений. – Уходи. Это только между мной и Лидой. Не хочу чтобы мой ребенок пострадал.

Между ними повисает тяжёлая пауза. Василиса будто не верит своим ушам. Она медленно подхватывает сумочку, но перед тем как выйти, бросает мне в лицо колющий взгляд, полный злости и уязвлённой гордости.

– Ладно. Решай, – довольно шипит она и хлопает дверью.

В квартире остаётся тишина, только моё сбивчивое дыхание и звук крови в ушах. Максим поворачивается ко мне. Его лицо серое, усталое, глаза бегают, как будто он ищет слова, которые смогут затушить мою боль.

– Лида... – Максим устало проводит рукой по волосам. – Ты должна понять. Всё изменилось, когда ты заболела.

Я сжимаю пальцы, ногти впиваются в ладонь.

– Всё изменилось для всех нас. Но это не повод предавать.

Он смотрит на меня, и вдруг в его глазах появляется раздражение, злость.

– Ты думаешь, мне было легко? Ты стала другой. Ты перестала быть женщиной. Ты была только врачом, пациентом, кем угодно, но не женой.

– Не женой? – у меня пересыхает во рту.

Он делает шаг ближе, голос становится жёстким, колющим:

– Посмотри на себя, – он опускает взгляд на мою грудь. – Это же... – морщит нос, словно ему противно смотреть на это. – Я понимаю, что ты не виновата и это была необходимость. Но я мужчина и мне хочется.

Его слова летят в меня, словно камни. Каждый – прямо в сердце. Я прижимаю руку к платью, туда, где пустота, где шрам. Сколько ночей я сама плакала от этого, но надеялась, что для него я всё ещё красива. Что я всё ещё жена.

– Значит, всё свелось к этому, – шепчу я. – К куску плоти, к груди.

– Это не только в этом, – он пытается оправдаться, но слова звучат ещё хуже. – Я мужчина, Лида. Мне нужно было тепло, страсть. А ты... ты сама закрылась.

Я смеюсь – коротко, с надломом.

– Страсть? Ты нашёл её в моей сестре? В двадцатипятилетней девочке, которая живёт на мамины деньги и не знает, чего хочет от жизни? Это твоя «женщина»?

Максим отводит взгляд, но молчит. Его молчание говорит громче любых слов.

И я понимаю: всё кончено.

– Я ждал пока ты поправишься. Не хотел бросать больную жену. Но видишь, как все получилось. Василиса беременна и у меня просто нет другого выхода. Я больше не могу ждать, пока твоя болезнь уйдет.

Я смотрю на него, и во мне нарастает холодная решимость.

– Убирайся, Максим, – произношу тихо, но твёрдо. – Вон из моего дома.

Он усмехается, и в этой усмешке нет ни капли вины, только усталость и цинизм.

– Из *твоего* дома? – он медленно качает головой. – Лида, не забывай, эта квартира оформлена на меня. И, между прочим, у меня скоро родится ребёнок. Здесь хорошие школы, садик рядом, больница через дорогу. Нам с Васей и малышом нужна эта квартира. А ты...

– Что – я? – мои слова дрожат, но голос остаётся холодным.

– Ты справишься, – он пожимает плечами, будто речь идёт о чём-то незначительном. – Ты сильная, ты врач, заработаешь на другое жильё. Тебе проще начать заново, чем нам.

Я чувствую, как по телу разливается ледяной гнев. Только что он обвинил меня в том, что я «не женщина», а теперь ещё и выставляет из собственного дома.

– Значит, вот так? – я делаю шаг к нему, и мои слова звучат резко, как хлыст. – Двадцать лет брака – и ты оставляешь меня на обочине жизни. Я боролась за нас, за тебя, а теперь должна уступить место твоей любовнице и её ребёнку?

– Она не просто любовница. Это же Василиса твоя сестра, – он смотрит прямо, не отводя глаз.

Он произносит это так, словно для меня это должно стать каким-то утешением. Словно это смягчающее обстоятельство.

Я горько улыбаюсь. Мне становится противно смотреть на самого близкого человека в моей жизни. Максим был для меня всем. Я ведь даже подумать не могла, что он будет мне изменять. Даже на секунду не задумывалась, верила каждому слову.

И в этот момент я понимаю: он может забрать стены, мебель, даже воспоминания. Но он больше не сможет забрать меня.

Максим тяжело вздыхает и вдруг смотрит прямо, без жалости:

– Лида, тебе уже сорок пять. После всего этого... после рака, химии... ты сама понимаешь, дети у тебя вряд ли когда-нибудь будут.

Эти слова бьют сильнее любого удара.

– Ты серьёзно?... – выдыхаю я, едва находя в себе силы говорить. – Значит, для тебя всё измеряется только этим? Грудью и ребёнком?

Он пожимает плечами, как будто объясняет очевидное: – Я не бессмертный. Я тоже хочу семью. Продолжение. С Васей у меня будет сын или дочь. А у тебя... – он замолкает и делает паузу, будто добивает, – у тебя теперь только работа.

Я закрываю глаза на секунду, чувствуя, как всё во мне ломается. Но когда снова смотрю на него, голос мой звучит ровно, почти ледяно:

– Ты прав, Максим. У меня есть работа. И у меня есть я. А вот у тебя теперь есть только твоя ложь и моя сестра. Посмотрим, хватит ли тебе этого, когда романтика закончится.

Я подхожу к двери, открываю её настежь и говорю жёстко:

– Вон. Пока я ещё не сорвалась и не сделала что-то, о чём пожалею.

Он стоит, колеблется, потом усмехается и проходит мимо.

– Ты сама уйдёшь, Лида, – бросает он на ходу. – Эта квартира нужна мне и моему ребёнку. Он выходит и я хлопаю дверь.

Дверь захлопнулась, и квартира наполнилась глухой тишиной – я стою, и в голове путаются кадры. Вспоминаю, как мы с Максимом выбирали это место: он говорил о школах и гостиной, я подбирала шторы и расставляла книги на полки. Каждая вещь здесь – отпечаток наших планов, а теперь они кажутся чужими. Мы были счастливы – поездки, ночные разговоры, его смех – эти тёплые кадры сейчас режут особенно сильно, потому что их не вернуть.

Сажу у окна и смотрю на ночную Москву: квартира действительно в хорошем районе, рядом больница и сады – всё, о чём он говорил.

Мне сорок пять, и после химиотерапии перспектива родить кажется почти нулевой. Я давно смирилась с этим, сразу как услышала свой приговор. В молодости мы все откладывали детей, казалось, что у нас вся жизнь впереди. Но вот мне сорок пять, а у нас даже котенка нет, зато есть квартира, которую мы купили для нашей предполагаемой большой семьи.

Я сажусь на край дивана и впервые ощущаю, что большая часть того, ради чего я жила, рушится; мысль «это конец» приходит сама собой.

Телефон разрывает тишину. Я беру трубку, и слышу голос мамы – мягкий, как всегда, но будто чужой.

– Лидочка, как здоровье? Всё ли хорошо у врача? – спрашивает она для фона, как будто по привычке.

Я зажмуриваюсь и, не выдержав, начинаю говорить: о ремиссии, о платье, о том, что хотела удивить Максима... и о том, что сказала Василиса. И как он сам подтвердил. Слова вырываются из меня. Мне нужна поддержка. Я устала, что Василиса всегда хорошая, а я – плохая. Вот теперь мама увидит мою сестренку во всей красе.

– Мама, ты понимаешь, они предали меня! – мой голос срывается. – Василиса беременна от него, а он... он сказал, что я должна уйти. – в этот миг я слышу в трубке вздох, спокойный, будто мама давно ждала этого признания, и я все понимаю. – Ты уже все и так знаешь.

– Ну-у, – тянет она. – Конечно я в курсе. Как бы они смогли скрыть это от меня. – Мне так становится противно на душе. Сколько лет я живу во лжи? В моей жизни есть хоть крупица правды? – Ты должна радоваться за сестру. Понимаешь? У неё будет ребёнок, это счастье. – Я прикусываю губу, молчу. – Максим всё равно бы ушёл, – продолжает мама, – Ты же понимаешь... тебе уже сорок пять. После всех этих химиотерапий... ну, ты почти не женщина. Родить не сможешь. А кто с такой останется надолго? – Слова бьют сильнее любого диагноза. – А так... хороший мужчина достался Василисе, не какой-то случайной девке. Тебе бы гордиться, что сестре повезло, – мама говорит это так спокойно, словно речь идёт о размене вещей, а не о моей жизни. – У тебя теперь все хорошо, ты здорова и можешь жить дальше. Максим очень переживал за тебя.

Я стою, сжав трубку так, что костяшки белеют, и впервые понимаю: она поставила крест на мне. На своей дочери. На женщине, которая только что победила смерть.

Слова мамы звучат в трубке, как приговор: «Ты почти не женщина... кто с такой останется».

– Как ты можешь, мама?! – я почти кричу, голос срывается. – Я пережила рак, операцию, химию, годы страха! Я верила, что ради этого стоит жить, что ради этого есть семья! А ты... вы выбросили меня, как ненужную вещь! – я сжимаю трубку так, что пальцы немеют, и жду, что она скажет хоть слово в мою защиту.

Но в ответ – только её ровное дыхание. Ни сожаления, ни тепла, ни чего. И что-то во мне обрывается. Я выпрямляюсь, холод окутывает меня, голос становится чужим и ровным: – Спасибо, мама. За честность. Я надеюсь вы рады, что все так замечательно получилось.

Сбрасываю звонок и кладу телефон на стол. В квартире так тихо, что слышно, как сильно бьётся моё сердце.

Я хожу по квартире кругами. В голове спорят два голоса: один шепчет «борись», другой – «уйди». Я смотрю на стены, которые ещё недавно казались домом, а теперь словно выталкивают меня.

Я вложила сюда годы: выбирала обои, покупала мебель, ловила каждый взгляд Максима, когда он хвалил мой вкус. Но теперь всё это превратилось в декорации чужой жизни. Он предал. Василиса предала. Даже мама... та, от кого я ждала хотя бы слова защиты. Она поставила на мне крест, словно я уже тень, а не дочь.

Я прижимаю ладони к лицу. Так вот каково это – остаться совсем одной. Ни мужа, ни семьи, ни опоры. Те, ради кого я сражалась за жизнь, теперь отвернулись.

И всё же мысль о борьбе кажется пустой: за что держаться? За эти стены, впитавшие ложь? За семью, которая сама вычеркнула меня? Нет. Я не могу.

Оставить всё и уйти? Так будет проще. Перерезать эти гнилые корни, сбежать из квартиры, где каждый угол напоминает о предательстве. Начать с нуля. Но куда идти? Кому я нужна? Сорок пять лет, после химии, без семьи, без жилья.

3

Десять месяцев спустя

В столовой шумно: звенят подносы, кто-то смеётся у раздаточной. Мы с Лерой сидим у окна, обсуждаем дежурство. Она всегда умела поддержать разговор, и с ней у меня нет ощущения пустоты.

Но стоит появиться Гусеву, как Лера меняется. Она выпрямляется, будто струна, грудь вперёд, улыбка – на всё лицо. Машет ему рукой, словно старому другу: – Станислав Сергеевич, здравствуйте!

Тот кивает со своей фирменной улыбкой, от которой у половины женщин в клинике кружится голова. Лера смотрит ему вслед, почти мечтательно прикусив губу:

– Ну разве не красавчик? Высокий, спортивный... ах, Лид, таких сейчас днём с огнём не сыщешь.

– Можешь спрятать свою грудь, – усмехаюсь, делая глоток кофе. – Он видел и побольше, и поменьше, чем у тебя. Его грудью точно не удивишь.

– Зато моя – настоящая, – отвечает Лера, чуть надменно, – но тут же прикусывает язык и извиняющееся улыбается.

– А ты думаешь, к нему приходят сразу с силиконовой? – я закатываю глаза и не подаю вида, что меня задела ее слова. – Вообще меня бесит, как все крутятся вокруг этого нового хирурга. Все женщины нашей клиники готовы целовать ему ноги: только увидят – и сразу начинают красоваться. – И вообще может хватит уже! Мы тут работаем, а не шуры-муры крутим. Тебя Ирина Михайловна порвёт, ты ведь знаешь политику нашей клиники.

– Конечно, – усмехается Лера и кивает куда-то в сторону. Я поворачиваюсь и вижу, как Ирина Михайловна кокетливо хихикает рядом с Гусевым. – Она за ним два года бегала по разным клиникам, что только не предлагала, – добавляет Лера. – Явно не только из-за золотых рук. Наверное, глаз положила, вот и решила переманить в нашу клинику – к себе поближе.

– Вообще он хороший специалист. К нему очередь на год вперёд.

– Ну тебя как-то смогли вписать в плотный график, – Лера игриво улыбается. – Кстати, как у него? Ручки тёплые?

Я устало качаю головой. Как же меня достаёт это всеобщее поклонение Гусеву.

– Ну что вы в нём все нашли?

– Ну как что? – Лера подпирает подбородок рукой и влюблённо смотрит вперёд. – Такие руки, голубые глаза, а какая улыбка... – она мечтательно вздыхает. – Не мужчина, а мечта. Да ещё и очень обеспеченная мечта! Вот он только тебе не нравится!

Я машинально прослеживаю её взгляд. Гусев стоит у раздаточной, высокий, спортивный, в тёмных джинсах и белом свитере, которые подчёркивают его плечи и лёгкость движений. Тёмные волосы чуть небрежно зачёсаны назад, а глаза – ярко-голубые, светятся озорством. Улыбка у него такая, что кажется: она предназначена каждой женщине сразу. В его жестах – уверенность и чуть нагловатая непринуждённость, будто мир давно лежит у его ног. Он бросает пару слов повару за стойкой, и та краснеет, словно девочка.

Я отворачиваюсь. У меня от этого всеобщего обожания внутри только холоднее.

– В мужчине внешность не главное.

– А что главное?

– Не знаю, – я отворачиваюсь к окну. Я уже не собираюсь устраивать личную жизнь. Мне и без мужчины неплохо живется, только нервы себе мотать.

– О ком это вы тут? – раздаётся за спиной знакомый баритон.

Мы одновременно оборачиваемся. Гусев стоит с подносом, в голубых глазах – насмешка.

– Уж не обо мне ли речь?

Лера едва не роняет ложку и, сияя, отвечает:

– А о ком же ещё? Вы же знаете, что половина женщин в клинике по вам вздыхает.

– Половина? – он усмехается и садится рядом со мной, слишком близко. – Скромно. Я думал, все.

Лера смеётся, а я закатываю глаза и делаю глоток кофе. Поднимаюсь, собирая поднос, словно это может дать мне опору.

– Лид, ты куда? – Лера удивлённо смотрит на меня.

– Работать, – коротко отвечаю и делаю шаг в сторону выхода. В этой столовой уже нечем дышать, слишком много восторгов и чужих улыбок.

– Лидия Сергеевна, – раздаётся голос Гусева за спиной. Я замираю: этот бархатный тембр он, похоже, отработывает специально для публики. – Напоминаю, у вас сегодня запись у меня в пять.

Я медленно поворачиваюсь. Его голубые глаза блестят, в них – тень иронии, будто он заранее уверен, что я опять стану дерзить.

– Помню, – говорю сухо. – Но подобные вещи, Станислав Сергеевич, обсуждают в кабинете, а не в столовой.

Я разворачиваюсь и ухожу, чувствуя, как будто весь зал смотрит мне в спину.

Я стучу и вхожу в кабинет в назначенное время, ровно в пять. На табличке – *«Гусев С.С., пластический хирург»*.

Гусев уже ждёт: папка с записями на столе, на лице – деловая собранность.

– Проходите, Лидия Сергеевна, – он кивает на кресло, его голос без слащавой нотки, которая так раздражает меня. – Сначала поговорим, потом осмотр.

Я сажусь, стараясь выглядеть спокойно, но внутри все ходит ходуном.

– Ваши анализы в норме, показатели хорошие, – он переворачивает страницы в карте. – Это даёт возможность рассматривать реконструкцию. Есть несколько методов, но выбор зависит от состояния тканей. Поэтому осмотр необходим.

Я киваю. Всё звучит сухо, профессионально, как и должно быть. У меня даже появляется уважение к Гусеву. Теперь мне понятно почему к нему очередь на год вперед.

– Раздевайтесь до пояса, – спокойно произносит он, вставая и надевая перчатки.

Я снимаю блузку и сажусь на кушетку. В его движениях нет ни суеты, ни лишних жестов: пальпация осторожная, уверенная.

– Рубцы ровные, послеоперационный шов чистый, кожа эластичная, – комментирует он вслух, хотя я и сама все это знаю. – В вашем случае возможна реконструкция с имплантом. Второй вариант – собственные ткани, но это дольше и тяжелее. – Я слушаю, стараясь сосредоточиться на словах, а не на том, что каждый его касающийся жест обнажает прошлое, которое я пытаюсь забыть. – У вас хорошие исходные данные, – он отходит, снимает перчатки и возвращается к столу. – Шансы на успешную операцию высокие. Решение за вами.

Я быстро надеваю блузку, возвращаюсь в кресло.

– Спасибо, – мой голос звучит чуть тише, чем хотелось бы. Во всем теле есть легкая дрожь.

Он смотрит прямо, без своей привычной улыбки:

– Это серьёзный шаг. Подумайте, и если решитесь – мы обсудим детали.

Я киваю, ощущая, что его спокойный профессионализм одновременно и успокаивает, и обостряет внутреннюю уязвимость.

– Я хочу назначить дату операции. Чем раньше, тем лучше.

Гусев поднимает взгляд, чуть прищурившись: – Уверены? Обычно пациенты берут время на раздумья.

– Я ждала достаточно, – отвечаю твёрдо. Ему не понять каково это видеть как все смотрят на тебя с жалостью, как все разговоры сводятся только к моей груди. Он идеален, а я дефектная.
– Я хочу жить дальше.

Гусев какое-то время молчит, будто проверяет мою решимость, затем кивает.
– Через неделю у меня есть окно. Вполне реально.

Я выдыхаю и киваю.

– Тогда решим с имплантами, – он раскрывает каталог с образцами и схемами. – Размер, форма, текстура... всё зависит от вашего выбора.

Я провожу пальцем по картинке с имплантом, задерживаясь на третьем размере.
– Этот. Я хочу третий.

Гусев откидывается на спинку кресла, смотрит прямо, без улыбки.
– Нет. Второй. Это будет естественно и правильно.

– Простите, но я решаю, какая грудь мне нужна, – в голосе моём появляется сталь. – Я хочу вернуть себя.

– Именно поэтому я и говорю «второй», – он чуть наклоняется вперёд, голос низкий, уверенный. – Третий разрушит пропорции, и вы сами будете недовольны.

– Но у меня раньше был третий! – резко возражаю я.

На секунду в его глазах мелькает раздражение, и он произносит холодно:
– Послушайте, я работаю больше восьми лет и повидал тысячи женских грудей как по работе так и вне практики. Я могу по фото в шубе определить какой у вас размер. Не надо мне врать. Триста миллилитров будут для вас комфортами и привычными. Я не стану уродовать вас, ради циферки на бюстгальтере. Если вы хотите больший размер можете поискать другого врача. Я здесь не для того чтобы увечить. У вас стройное телосложение, изящные плечи. Второй размер – это то что вас будет украшать, – я тяжело дышу. Может у меня была и не полная троечка, но почему я не могу сделать себя то, что я хочу! Я что не заслужила этого? Я прошла через столько? Между нами повисает тишина. Он кладёт ручку на стол, будто подводя черту:– Либо второй размер и операция у меня. Либо ищите другого специалиста.

Я сжимаю губы, чувствуя, как закипает злость. Этот нагловатый самоуверенный тип ставит ультиматум мне – заведующей отделением! Но спорить бессмысленно: в его голосе нет ни тени сомнения.

Так и знала, что ни к чему хорошему это не приведет! Резко встаю со стула и направляюсь к двери.

– Я отменяю операцию?

Замираю прикоснувшись к ручке двери. Я столько ждала этой операции, не могу же я сейчас все бросить. Но пойти на поводу этого самовлюбленного мужчины? Гордиться тем что видел кучу женской грудей и в практике и без... Фу! Мерзость! Как вообще можно такое говорить!

– Нет, – я стискиваю зубы, все тело напрягается.

– Отлично, – слышу как Гусев встает со своего места и подходит, встает между мной и дверью. – Думаю, вы знаете что нужно делать перед операцией, – он мило улыбается, а меня еще больше злит его улыбка. Киваю и Гусев открывает передо мной дверь. – Тогда до встречи.

Я вылетаю из кабинета, злая как собака. Все хвалят этого... Этого хамло! Ему лучше знать! Делает он красоту! Все перед ним гнутся, облизывают с ног до головы. А надо было всего лишь родится с симпатичной мордашкой и всё, весь мир у твоих ног!

4

Резко распахиваю дверь и захожу в кабинет.
 – Ну как? – Лера вскочила с моего кресла. Я качаю головой и прохожу к своему столу; сразу же приступаю к работе, открываю таблицы, просматриваю последние записи. Вообще тыкаю всё без разбора, лишь бы создать вид занятости: злость не даёт сосредоточиться.
 – Ну что сказал? – слышу её голос.
 – Всё пройдёт по плану, – неохотно отвечаю и смотрю в монитор, даже не понимая, что печатаю.

Лера садится напротив и немного наклоняется вперёд, сложив руки на стол.
 – И всё? Что сказал? Он же самый известный пластический хирург, должно же быть в нём что-то особенное! Ну расскажи! Так в чём его фишка? Ну же?

– Ничего в нём нет, – замираю, снова слыша в памяти его пренебрежительный тон. – Обычный напыщенный индюк. Думает, что знает всё лучше всех.

Лера со смехом отмахивается:
 – Ты на всех мужчин злая как собака. Вот сделаешь себе грудь – и успокоишься. Мужики толпами к ногам падать будут. Не все такие, как твой бывший.

Я резко поворачиваюсь и смотрю на неё грозно: она знает, как я не люблю вспоминать бывшего мужа. Я оборвала все связи, изменила всю жизнь и не хочу слышать о прошлом.
 – Меня это не интересует! – говорю холодно. – Я делаю операцию не ради каких-то мужчин, а ради себя. Это не прихоть, а необходимость, чтобы ко мне относились как к равному, а не с сочувствием. Чтобы не надевать дурацкие накладки на мероприятия. Ты хоть представляешь что я вообще чувствую? Ты представляешь как носить на себе непонятные подушки от которых ты потеешь, под которыми все зудит. Кажется что все обсуждают меня, что все смотрят на меня...

– Ладно-ладно, – Лера машет рукой. – Что ты так горячишься? Я ведь просто пытаюсь поддержать. – Я выдыхаю и пытаюсь расслабиться: действительно, я слишком эмоционально реагирую сегодня, и всё это благодаря одному самовлюблённому идиоту. Ларе замечает, что я пытаюсь успокоиться и меняет тему. – Домой идёшь?
 – Да, сейчас... – отвечаю, и в этот момент стучат в дверь. – Войдите.

Дверь открывается, и в кабинет входит Гусев.
 – Добрый день, не помешал? Лидия Александровна, я бы хотел с вами поговорить... – звучит его спокойный голос.

Лера тут же вскакивает, словно заколдованная, и улыбается ему большими глазами:
 – Мне уже пора, я как раз уйду. До завтра. – Она быстро выходит.

Я выпрямляюсь и гордо смотрю на Гусева, стараясь скрыть свое раздражение.
 – Лидия Александровна, – говорит он спокойно, – мне кажется, между нами есть недопонимания, которые я хотел бы разрешить.
 – У нас никаких недопониманий, – отвечаю сдержанно; всё тело напряжено.
 – Я понимаю, что вам могу быть неприятен, – он не скрывает интереса, – но я хотел бы понять, почему.
 – У меня нет к вам никакого особого отношения, вы такой же сотрудник, как и все другие.

Он улыбается сдержанно, он явно мне не верит:
 – Может, тогда поужинаем как коллеги? Я постараюсь вам все объяснить. Вы ведь уже собираетесь домой?

Предложение выбивает меня из колеи – резко отказать нельзя, он сразу поймёт неприязнь.
 – У меня ещё работа, нужно скорректировать план операции, – отвечаю и поворачиваюсь к компьютеру. – Вообще много работы.

Он мнётся, затем кивает:
 – Хорошо. Надеюсь, мы найдём общий язык. И рекомендую побольше отдыхать перед операцией.
 – Я сама разберусь, – огрызаюсь. Я врач и знаю, сколько мне нужно отдыхать.
 Он кивает и отходит от стола, я лишь на мгновение смотрю на его спину.

– И да, – он разворачивается, а я отрываю глаза от монитора. – У вас есть мужчина?

– По-моему это не ваше дело.

– Как раз мое. Первые две недели нужно воздержаться от полового контакта...

– Я в курсе, – огрызаясь я и стискиваю зубы.

– Да, я понимаю, но вот после двух недель я бы рекомендовал вам и вашему мужчине начать вести половую жизнь. Вообще в моей практике...

– Вы переходите границы, – обрываю его, меня трясет от каждого его слова. – Ваша личная практика меня не интересует. Я буду придерживаться официальных рекомендаций а не ваших личных. Надеюсь вы такое не говорите нашим пациентам, иначе... – я останавливаюсь, что я могу ему сделать? Даже если я буду каждый день капать на мозги заведующей, то ничего не изменится. Гусев – всеобщий любимец. Да ему простят все в любой клинике.

– Как пожелаете, – он смиренно улыбается и кивает. – Приятного вечера.

– И вам, – с натянутой улыбкой отвечаю я.

Он выходит. Я глубоко вдыхаю и сжимаю кулаки: не могу относиться к нему нормально, да и не замечать всех этих разговоров о Гусеве невозможно. Операция назначена через неделю, и мне страшно: ощущение, что жизнь разделится на «до» и «после».

Мне так хочется поддержки и доброго слова, но я оборвала все связи; из подруг осталась только Лера, да и то – дружба на работе. Мне не хватает опоры. После развода я не общаюсь с сестрой и мамой. После суда на котором они вели себя словно стервятники и пытались оттяпать от меня кусок пожирней, мне было так противно, что руки опускались. Работа стала моим домом, семьей и опорой. Здесь я не вспоминаю о прошлом, думаю только о том что происходит здесь и сейчас. А теперь в моем убежище появился этот напыщенный гусь! И еще пытается диктовать свои правила.

Выдыхаю. Все скоро изменится. Скоро я сотру последний след от прошлой жизни и ничего мне больше не напомнить о предательстве близких.

5

День операции

Утро тянется вязко, я просыпаюсь задолго до будильника и лежу в темноте, слушая собственное тревожное дыхание. Медленно собираюсь, каждая мелочь словно ритуал, а в зеркале на меня смотрит строгая заведующая с глазами испуганной женщины. В клинике пахнет антисептиком и кофе, коллеги кивают и улыбаются, но я ясно чувствую их любопытные взгляды.

У кабинета предоперационной подготовки меня встречает Гусев. Его голос спокоен, движения чёткие и уверенные, и именно это немного успокаивает. Но в его взгляде я ловлю что-то ещё – то ли искреннее сочувствие, то ли интерес, который он сам старается спрятать за маской профессионала.

– Готовы? – спрашивает он.

– А у меня есть выбор? – усмехаюсь я, пряча дрожь. Он на секунду задерживает взгляд, и его голубые глаза становятся серьёзными:

– Есть. Но вы сделали его уже давно.

Я киваю. Подписываю бумаги. Когда захопываю ручку, кажется, что вместе с ней ставлю точку в старой жизни.

Операционная залита ярким светом, вокруг слаженно двигается команда, инструменты поблёскивают стерильным блеском. Анестезия мягко уносит меня в темноту, последним я вижу добрый и уверенный взгляд Гусева. Он словно обещает, что все будет хорошо.

...Я просыпаюсь в палате, тяжёлой, наполненной запахом лекарств. Тело словно налито свинцом, грудь тянет ровной ноющей болью, но эта боль – не разрушает, а подтверждает: всё произошло.

– Ну что ж, Лидия Александровна, – слышу знакомый голос.

Поворачиваю голову и вижу Гусева. Он сидит в кресле у окна, склонившись над картой, но замечает, что я открыла глаза, и сразу поднимается. В его движениях нет ни тени той легкости, что он обычно демонстрирует в коридоре – только собранность и сосредоточенность.

– Всё прошло идеально, – говорит он тихо, подходя ближе. – Имплянты встали ровно, форма получилась естественная. Теперь главное – не торопиться.

Я пытаюсь что-то сказать, но голос хрипнет. Он молча подаёт стакан воды и поддерживает меня за плечо, пока я делаю глоток. Его ладонь тёплая и уверенная, и почему-то именно это ощущение даёт мне больше спокойствия, чем все его слова.

– Вы справитесь, – добавляет он после паузы, глядя прямо в глаза. – Остальное теперь – дело времени.

Я закрываю глаза, позволяя себе впервые за долгое время расслабиться. Я сколько работала, всегда хотела быть сильной и не показывать внутренние шрамы, хотела чтобы меня видели как серьёзного профессионала, даже во время химии пыталась работать, а теперь... Я словно достигла какой-то цели.

Даже с закрытыми глазами, чувствую его взгляд – слишком пристальный для сухого врачебного контроля.

– Вам нужно отдыхать, – произносит он уже мягче, почти шёпотом.

Я открываю глаза и встречаюсь с его голубыми глазами. Он смотрит серьёзно, но где-то глубоко в этом взгляде есть нечто большее – искра, которую он отчаянно прячет за маской профессионала. Что-то изменилось? Или я впервые посмотрела на Гусева по-другому? Я невольно задерживаю дыхание, а потом резко отворачиваюсь, будто отрезая эту связь. Глупости все это!

– Я понимаю, – отвечаю холоднее, чем хотела.

На мгновение в его лице мелькает что-то похожее на разочарование, но он тут же берёт себя в руки: привычная лёгкая усмешка возвращается на место.

– Хорошо, – он кладёт карту на тумбочку. – Я зайду позже.

И уже на пороге, задержавшись на секунду, добавляет:

– Не вздумайте упрямиться, Лидия Александровна. Теперь вам придётся довериться мне.

Он выходит, и дверь тихо закрывается. А я лежу, ощущая, как вместе с болью в груди во мне поселилось новое чувство – тревожное и настойчивое, будто предвестие того, что всё только начинается.

Вечером палата наполняется тишиной. За окном редкие машины скользят по мокрому асфальту, и их свет полосами ложится на стены. Я лежу неподвижно, слушаю ровный писк аппарата и свой собственный сбивчивый ритм дыхания.

Мысли упорно возвращаются к Гусеву. К его спокойному голосу, к тому, как уверенно он держал мою руку перед операцией, и к этому странному взгляду, от которого у меня пересохло в горле. Я злюсь на себя – зачем думать о нём? О человеке, который довёл меня до бешенства своим ультиматумом. Но вместе со злостью поднимается и другое чувство: будто впервые за долгое время кто-то не жалел меня, а видел настоящую.

Я отворачиваюсь к окну, сжимаю пальцы на простыне и пытаюсь заснуть. Но его слова всё ещё звучат у меня в голове: *«Теперь вам придётся довериться мне»*.

Я просыпаюсь и сразу замечая Гусева – он стоит у окна, что-то листает на планшете. Уверенный, спокойный, будто это его палата, а не моя.

– Доброе утро. Как самочувствие? – он поворачивается, и его голубые глаза цепко останавливаются на мне. – Терпимо, – отвечаю я сухо и сразу добавляю: – Сегодня я хочу домой.

– Рано, – спокойно качает он головой. – Нужно ещё понаблюдать.

Я сжимаю губы, внутри закипает злость.

– Послушайте, Станислав Сергеевич, я сама врач и прекрасно знаю, что на третьи сутки после такой операции пациента выписывают. У меня нет осложнений, показатели в норме. Так что ваше «рано» звучит лишним.

Он чуть усмехается, но в голосе ни намёка на уступчивость:

– Вы знаете протоколы. А я знаю практику. Пациенты вроде вас всегда спешат обратно в привычный ритм, а потом возвращаются – уже с проблемами. Я не хочу вас видеть среди них.

Я всматриваюсь в его лицо – спокойное, уверенное, даже слишком. Эта холодная профессиональная маска раздражает сильнее, чем если бы он на его лице вновь заиграла слащавая улыбка.

– То есть вы думаете, я не справлюсь? Что я хуже ваших других пациенток?

Он подходит ближе, и от его взгляда мне хочется отвернуться, но я выдерживаю.

– Думаю, вы слишком торопитесь доказать всем, что сильнее, чем есть на самом деле, – произносит он мягко. – А ваше тело требует времени, Лидия Александровна.

Эти слова бьют в самое больное. Я резко отворачиваюсь к стене, чувствуя, как горят щеки, а в носу начинает щипать.

– Я решу сама, что требует моё тело, – выдыхаю сквозь зубы.

В палате повисает напряжение, и я понимаю: ни один из нас не готов уступить.

Я решительно поворачиваюсь к нему:

– Я всё равно уйду. Сегодня.

Он смотрит молча, потом резко захлопывает планшет.

– Хорошо. Но при одном условии.

Я поднимаю брови, удивленная его ответом.

– При каком ещё условии?

– Я сам вас отвезу. До двери квартиры. И если станет плохо – сразу возвращаемся. Это не обсуждается, – его голос твёрдый, и я впервые замечая в нём ту самую сталь, что скрывается за лёгкой улыбкой.

– Вы думаете, я не справлюсь даже с такси? – я усмехаюсь, но внутри щемит обида.

– Я думаю, что вы слишком упряма, – отвечает он, глядя прямо в глаза. – А я привык отвечать за своих пациентов до конца.

Мы долго смотрим друг на друга. В конце концов я киваю – больше из желания поскорее избавиться от его присутствия, чем из согласия.

– Как скажете, доктор.

Он чуть прищуривается, будто уловил вызов в моих словах, и сухо произносит:

– В три у вас осмотр, а в семь жду вас у главного входа.

К семи уже собрана: лёгкое платье, сумка в руках, шаги упрямые. Хочу домой, хочу доказать самой себе, что могу. Вот ещё слушать кого-то! Я знаю, что могу рассчитывать только на себя! Уж о себе я могу позаботиться лучше, чем кто-то еще. Да и зачем мне эти сплетни: медсестры, будут бегать рассказывать как я плохо выгляжу.

Спускаюсь в лифте, замечая как на меня посматривают медсестры, но держу голову прямо стараясь не обращать на них внимания. В сумке почти ни чего нет, но тело все ноет. Этот Гусев, весь из себя такой заботливый. Я отвечаю за своих пациентов, отвезу вас домой! Тьфу! Могу бы и помочь спуститься.

Иду к машине, каждое движение даётся с трудом — грудь всё ещё болит, мышцы ноют, но раздражение внутри не утихает. Почему Гусев даже не соизволил помочь спуститься? «Всё болит, а он стоит там, как будто ничего не произошло...» – ворчу про себя.

Гусева невозможно не заметить. Он стоит прямо возле входа, куда подъезжают только скорые или что-то экстренное, руки в карманах, темные джинсы и белая водолазка подчёркивают его собранность. Голубые глаза фиксируют каждый мой шаг, и это одновременно выводит из себя и успокаивает.

– Лидия Александровна, – говорит он тихо, – садитесь. Я отвезу вас домой. И если почувствуете дискомфорт — сразу возвращаемся.

Я вздыхаю, сопротивление кипит, но понимаю: против его спокойной уверенности мне не справиться. Сажусь в машину, ощущая, как каждый рывок движения причиняет боль, а его взгляд тихо следит за мной.

– Вы напряжены, – замечает он спокойно. – А вы думаете, мне легко после такой операции? – ворчу я, ощущая всю несправедливость положения. – Именно поэтому я здесь, – говорит он, и в голосе слышна забота, скрытая за профессиональной маской. – Будьте осторожны, не поднимайте тяжести, избегайте резких движений.

Раздражение переполняет меня: «Как будто я не знаю, что можно, а что нельзя!».

Гусев ведёт спокойно, уверенно, будто дорога подчиняется только ему. Его профиль чёткий, руки лёгкие на руле – и это, черт возьми, раздражает. Он весь такой собранный, контролирующий, а у меня внутри хаос. Я бросаю на него косой взгляд и тут же отворачиваюсь: нечего рассматривать, нечего искать в нём чего-то большего, чем врача.

Молчание давит. Его голос прорывает тишину только для того, чтобы снова повторить очевидное: «Не напрягайтесь, не поднимайте ничего тяжёлого». Я слушаю, но не слышу, упрямо уставившись в окно. Для меня это фон, пустые слова. Я не потерплю указаний – тем более от него.

И всё же, чем ближе мы к дому, тем сильнее я чувствую странное напряжение. Его взгляд иногда скользит ко мне, быстрый, внимательный, и в нём нет ни жалости, ни снисхождения. Только спокойное присутствие. Словно он держит рядом невидимую опору, которую я не просила. Но я знаю, что ни на кого нельзя положиться, особенно на мужчину.

Я не успеваю даже отстегнуть ремень, а Гусев обошел машину и открыл передо мной дверь, будто всё само собой разумеется. Я едва успеваю взять сумку, как он уже протягивает руку.

– Давайте, я понесу, – спокойно говорит он и уверенно перехватывает ручку.

– Нет! – рывком тяну к себе. – Я сама.

Наши пальцы почти сцепляются на этой чёртовой сумке. Я злюсь, даже не столько на него, сколько на себя. Муж тоже когда-то был таким – внимательным, заботливым, будто мир держался только на его плечах. А потом? Потом он предал. И теперь каждый раз, когда кто-то «заботится», я слышу этот мерзкий отголосок: всё это временно, потом будет очень больно. Все мужчины одинаковы – сначала обещают, потом оставляют.

– Лидия Александровна, не упрямитесь, – тихо говорит он, но в голосе есть сталь.

– Я справлюсь, – выдыхаю сквозь зубы, чувствуя, как ноет грудь от резкого движения. Сумка тянет вниз сильнее чем должна, ведь в ней почти ничего. Боль накапывает, и я невольно морщусь.

Он это замечает, конечно. Его взгляд цепкий, внимательный. Понимаю: если продолжу сопротивляться, то просто выставлю себя на посмешище. Я отпускаю ручку и отступаю.

– Отлично, – бросаю холодно, – несите, раз так хочется.

Мы идем к подъезду, держусь прямо, как будто у меня внутри не скручивает всё от боли. Гусев идёт рядом, легко, будто и не замечает моего напряжения. Осматривается вокруг – фасад, деревья, детская площадка.

– Хорошее место, – произносит он. – Спокойный район, удобно. Если что-то понадобится – звоните, я приеду.

Я фыркаю, даже не поворачиваясь к нему:

– Теперь есть доставка. Все что нужно привезут в течении часа.

Его шаг рядом остаётся ровным, будто моя колкость его не задела. А меня это злит ещё больше — будто он всегда на полшага впереди, а я только отбиваюсь.

Прикладываю ключ к домофону, дверь мягко щёлкает, и Гусев, словно по привычке, придерживает её, пропуская меня первой. Я ничего не говорю, только поджимаю губы и иду вперёд.

Мы молча поднимаемся на лифте. Его присутствие давит, воздух будто сгущается от этого молчания. Я чувствую его взгляд сбоку – спокойный, изучающий, и от этого мне ещё сильнее хочется поскорее остаться одной.

Десятый этаж. Мы идём по пустому коридору, шаги отдаются гулко. Я достаю ключ, сердце колотится от злости и усталости. И тут он снова начинает:

– Вам нужен покой. Меньше вставать, не поднимать ничего тяжёлого. Любое лишнее движение...

– Хватит, – обрываю я резко. – Я сама знаю, что мне можно, а что нельзя.

Поворачиваю ключ и распахиваю дверь, захожу внутрь, резко поворачиваюсь и протягиваю руку, но Гусев ставит мою сумку на пол в квартире, но сам не заходит.

– Завтра я приеду, – произносит он спокойно, без намёка на сомнение.

Я раздражённо качаю головой, не в силах снова начинать этот спор. Просто тяну дверь и закрываю её прямо перед ним. В квартире сразу становится тихо, и только теперь я позволяю себе выдохнуть.

Прохожу в комнату сажусь, на диван держась за грудь, и шиплю сквозь зубы от боли. В голове гулко звучит: «Справлюсь сама. Только сама». Эта мысль давит сильнее, чем ноющая боль в теле. Я одна, и в этом моя сила, моя проклятая независимость.

Голова тяжелеет, веки опускаются сами собой, и сопротивляться этому уже нет сил. Сон накрывает стремительно, как наркоз в операционной, лишая даже последних обрывков мыслей.

Телефон вибрирует где-то рядом, и я с трудом разлепляю глаза. Голова тяжелая, будто ночь пролетела в полусне, тело отзывается ломотой, а я понимаю — так и заснула на диване,

даже не раздеваясь. Экран светится слишком ярко, буквы расплываются, и только спустя несколько секунд я разбираю имя: «Мама».

6

Сердце сжимается – она не звонила с того самого дня, как я подала на развод. Тогда она встала на сторону Василисы, моей младшей сестры, и с тех пор между нами зияла пропасть. И вот теперь этот звонок.

Я сбрасываю вызов, экран тускнеет, и я пытаюсь сделать вид, что ничего не случилось. Но телефон снова оживает – настойчивый, требовательный. Я не отвечаю. Каждый новый звонок будто молот по вискам.

«Десять месяцев прошло... Василиса должна уже родить. Она носила этого ребёнка, пока я подписывала бумаги о разводе». В груди всё сжимается, дыхание становится тяжёлым. Перед глазами встаёт картина: младшая сестра счастлива, её обнимает мой бывший муж, его ладонь бережно лежит на её животе. А мама рядом, улыбается, поддерживает их, будто другого мира для неё не существует.

А я? Я одна. С пустыми руками, с ноющим телом, с пустотой, от которой невозможно убежать. Телефон продолжает вибрировать, но я только сжимаю его в ладони сильнее: «Нет. Не возьму. Не хочу слышать их голоса. Не хочу снова быть лишней. Мне противно, что они могут быть счастливы, после того что сделали со мной».

Телефон, наконец, умолкает. Я бросаю его рядом на диван, сжимаю виски пальцами, будто могу выдавить из головы эти навязчивые картинки – Василиса, живот, руки моего бывшего. Но тишина длится недолго: новый звонок. Экран светится – Гусев.

Я выдыхаю резко, злость поднимается с новой силой. После матери у меня нет ни малейшего желания слушать ещё чьи-то наставления. Но я знаю его – не отвяжется, будет звонить, пока не возьму.

– Да, – отрезаю я, даже не здороваясь.

– Лидия Александровна, как вы себя чувствуете? – спокойный, упрямо-спокойный голос.

– Великолепно, – огрызаюсь. – Горы сворачиваю.

– Это значит, что вы дома и отдыхаете, – делает вывод он, будто я школьница под надзором.

Я закатываю глаза, стискиваю зубы. Хотела бы просто сбросить, но понимаю – тогда он поедет сюда.

– Со мной всё в порядке, – произношу ледяным тоном. – Можете не волноваться.

На том конце тишина, и это тянется так долго, что я почти бросаю трубку. Но потом он отвечает спокойно, так, что злость во мне только сильнее вспыхивает:

Телефон в моей руке дрожит от злости; швырнуть его об стену – легче, чем слушать.

– Хорошо. Но я всё равно заеду вечером, – произносит он спокойно, как будто уже решил за меня.

– Зачем? – вырывается у меня. – Я отдыхаю. Я ещё даже с кровати еще не вставала.

Бьюсь глазами по комнате, осматриваюсь: платье не снято, сумка свалена в угол, волосы слиплись – вся я в бессмысленном беспорядке. Правда в том, что я не дошла даже до ванной, не то что до кровати. Но не хочу, чтобы он это знал.

Дыхание садится, и я решаю – врат дальше.

– Я планирую весь день провести в кровати. Встать только ради доставки. Все указания я четко помню и контролирую свое тело как врач! – говорю я ровно. – И сейчас я планирую продолжить свой сон. Если придёте, вы можете меня только потревожить, разбудить, из-за вас мне придется вставать с кровати.

Пауза на линии – и в ней я ловлю его сомнение, потом привычную сдержанную уверенность:

– Хорошо. Не буду мешать. Позвоню позже.

Он сбрасывает – и во мне взрывается злость: да неужели он весь день собирается мне названивать

Отдохнуть нормально не дают. Все же нахожу в себе силы, подняться и переодеться в просторную, белую хлопчатобумажную ночнушку, приобрела ее специально чтобы ходить в ней после операции и ложусь в кровать и пытаюсь уснуть.

Вновь звонок – мама; ещё один – мама снова; последний раз я терплю и нажимаю кнопку «без звука». Телефон гаснет, тишина. Вот теперь я отдохну нормально!

Лежу, закрыв глаза, пытаюсь притянуть сон, но мысли зигзагообразно скачут: Василиса, мама, Гусев, их спокойные жизни. Ничего не помогает.

Встаю, наполненная злостью! Столько времени ни кому от меня ни чего не нужно было, даже не вспоминали обо мне, какого хрена сейчас все как цепи сорвались! Иду на кухню, открываю холодильник: пусто, только старая коробка молока с вздувшейся крышкой и резким запахом. Квартира моя – не дом, а остановка: приходит ночь – я здесь, приходит день – ухожу. Редко бываю, и потому в ней так мало жизни.

Сажусь за стол, смотрю на тёмную поверхность, и внутри тихо скребёт одиночество – не жалость, не требование, а просто пустота, которую я научилась терпеть.

День медленно приходит в норму. Я заказываю еду – простую, но пока даже она не лезет, желудок протестует. Едва проглотив пару кусочков, оставляю тарелку и, наконец, поддаюсь усталости.

Стараюсь забыться в кровати, укрывшись под одеялом, но мысли всё ещё ковыряют старые воспоминания, вытаскивают моменты предательства, пустых обещаний, боли и одиночества. Постепенно веки становятся тяжелыми, дыхание выравнивается, а мир вокруг растворяется, пока я, наконец, погружаюсь в сон, пустой и странно успокаивающий, тело берет свое, ему нужно время и отдых.

Настойчивый звонок в дверь, прерывает мой сон, бьёт по нервах сильнее, чем боль в груди, заставляя сердце сжиматься от раздражения. Я с усилием встаю, тело протестует, грудь тянет, ноги ватные, а в голове гудит злость: кто осмелился вторгнуться в мой вечер?

Проверяю телефон, время около восьми, сотня пропущенных и я вспоминаю про Гусева. Его смена как раз закончилась. В голове звучат его слова – «заеду вечером» – и внутренне взрываюсь. Я ведь просила, предупреждала, что он меня разбудит и потревожит.

Дверной звонок не замолкает ни на секунду. Он ведь знает в каком я состоянии, зачем так трезвонить?

Я психую окончательно – сейчас открою эту чёртову дверь и выскажу всё, что думаю. Хватит тихонько терпеть, хватит играть в вежливые сцены: он должен подумать прежде, чем делать. Голос уже готов, зубы сжаты; в голове одно: «Как ты смеешь приходить без спроса? Как смеешь решать за меня?»

Открываю дверь, готовясь к привычному спокойному голосу, к привычной заботе, к которому я так не хотела привязываться.

И замираю. На пороге стоит мой бывший муж – Максим. Я застыла на полуслове, рот приоткрыт, мысли мгновенно разлетаются в стороны, тело будто оцепенело. Шок – холодный, острый, сквозит во всём: в сердце, в спине, в руках.

Не могу двинуться, не могу вымолвить ни слова. Словно всё десять месяцев разлуки исчезли в одно мгновение, оставив лишь смесь ужаса, ярости и странного трепета.

– Лидия... – произносит он тихо, сдавленно.

Ловлю себя на том, что дыхание замирает, а разум пытается найти хоть одно нормальное объяснение, почему он здесь.

– Что ты... – начинаю, но голос ломается, и я снова застываю. Шок мешает закончить мысль, мешает отбросить воспоминания, мешает дышать.

Максим стоит в дверях, плечи сгорблены, голова опущена, но я вижу на его лице следы усталости. В его позе есть сдержанная злость направлена на меня, и это ощущается остро, как удар током.

Я наконец нахожу в себе силы, сжимаю кулаки, чтобы остановить дрожь в руках, и выдавливаю слова:

– Что ты тут делаешь, Максим? И... как ты вообще узнал, где я живу?

Он поднимает глаза, коротко встречается с моим взглядом, и в этом мгновении мне кажется, что весь мир сужается до наших двух фигур на пороге. Его губы сжаты, дыхание ровное, но в глазах сверкает что-то резкое, острое.

– Лидия...

И вдруг обрывается, потому что раздаётся плач ребёнка. Моргаю, глаза непроизвольно скользят к его руке – и я вижу автолюльку. В ней маленький, крошечный, красный от крика младенец.

Сердце ёкает, боль и усталость накатывают с новой силой, дыхание сбивается. Я стою, будто оцепенев, не веря своим глазам. Младенец кричит, а я понимаю – это ребёнок Василисы и Максима.

Все мысли смешиваются: шок, усталость, воспоминания о предательстве, ощущение собственной беспомощности. Белая ночнушка, растрёпанные волосы, боль в груди – всё это делает момент ещё болезненнее.

– Ты... откуда у тебя... – начинаю, голос срывается, слова теряются.

Он поднимает глаза, взгляд на меня тяжёлый, напряжённый. И только плач ребёнка рвёт тишину между нами, требуя внимания. Максим делает шаг к двери, я словно в оцепенении не могу пошевелиться или хоть что-то сказать. Весь мир вокруг сжимается до одного маленького крика ребёнка и собственного биения сердца.

– Прости, – он качает головой. – Я не могу... Просто, больше не могу...

Бывший муж протягивает мне люльку и я на автомате ловлю ее. Грудь сразу пронзает острая боль, грудь ноет после операции, дыхание сбивается. Но я не могу её отпустить. Даже сквозь резкую боль, через усталость и слабость, руки крепко держат люльку с ребенком. Я в шоке смотрю на этого младенца и застываю. Перед глазами проносятся картинки Василисы как она счастливо ходила с животом, как Максим обнимает ее, гладит по животу, как сестра укачивает ребенка возле кровати и к ней подходит Максим, целует в щеку и прижимается, как они с любовью смотрят как их ребенок засыпает.

Дверь лифта закрывается с тихим щелчком, и только тогда я моргаю и понимаю, что Максим ушёл. Быстро ставлю на пол люльку с кричащим ребенком и выбегаю в подъезд к лифту. Стучу по металлическим дверям.

– Максим! Максим!

Это бесполезно, слышу как лифт спускается, бросится за ним по лестнице? С ребенком? Это для меня слишком и я опускаю руки. Крик ребенка бьет по ушам, и я возвращаюсь в квартиру, чтобы соседи не повыскакивали. Замечаю пакет возле своей двери, заглядываю внутрь, памперсы, какие-то коробки, бутылочка и красная папка. Понимаю, что это оставил Максим и забираю с собой в квартиру.

В голове пустота и шок: что только что произошло? Как я оказалась здесь, с этим ребенком один на один в квартире, с болью в груди и полным непониманием происходящего?

Грудь сжимает резкая, странная боль. Сердце колотится, дыхание сбивается, а внутри всё кричит: «Я не мать! Я не могу! Это не мой ребёнок! Это плод измены!».

Мысли путаются, каждая сильнее предыдущей: «Я не могу быть матерью... Я не готова... Почему он оставил меня одну... Почему сестра?» Бросаю взгляд на двери, через которые ушёл Максим, а затем на люльку, пытаюсь осознать, что вообще происходит, но ответа нет. Жгучая смесь злости, отторжения и горечи душит меня.

Ноющая боль после операции словно умножается с каждым вздохом. Слабость охватывает тело, но разум цепляется за холодное рассуждение: стоять, дышать, не делать резких движений.

Внутри – ярость на мужа за предательство, на сестру за то, что оказалась в этом мире с Максимом, и на себя за то, что дрогнула и отпустила контроль. Сердце сжимается от парадокса: ненависть и странная ответственность одновременно. Я давно забыла о желании стать матерью, загасила в себе все материнские чувства, посвятила себя работе, забыла о мужчинах, а теперь – эта люлька, этот ребёнок, который разрушает привычный мир.

Дверь остаётся открытой, и я стою, словно жду, что Максим вернётся и заберёт это орущее чудовище. Но его нет. Пустота квартиры давит ещё сильнее. Я прижимаю руки к груди, боль и слабость переплетаются с тревогой, страхом и внутренней растерянностью.

Стоя у люльки, ощущаю странное, тревожное принятие. Шок постепенно смешивается с ощущением ответственности, но ничего не ясно. Я остаюсь стоять, крепко сжав руки на груди, и в конце, с тяжёлым сердцем, закрываю дверь, не понимая, что мне теперь делать.

Наклоняюсь к люльке, грудь ноет, сердце колотится. Ребёнок кричит, сую ему соску, и тут же отскакиваю, он вроде замолкает. Это невозможно: я после операции, мне нельзя поднимать ничего тяжелого.

Стою в коридоре, паника и злость переплетаются. Ребёнок не мой, а я не мать, не могу и не умею. И тут я вспоминаю о звонках мамы! Точно! Нужно позвонить ей или Василисе ... Кто-то должен забрать это чудовище! И все встанет на свои места!

Делаю шаг к комнате, боль в груди напоминает обо всём. Сердце ноет, ноги тяжелеют, но мысль о том, что звонок может решить эту проблему, даёт крошечную надежду. Я медленно ступаю, голова кружится, приходится придерживаться за стену, но хотя бы ребенок уже не орет.

7

Тело будто мстит за мою упрямую независимость. Боль тянет грудь, дыхание сбивается, ноги ватные. Соска во рту ребёнка работает как заглушка, но я чувствую – это ненадолго. Сама мысль, что он может снова закричать, гонит меня в спальню.

Вижу телефон на тумбочке, и во мне словно открывается второе дыхание, хватаю его и открываю список контактов.

Первым делом – Максим. Сердце бьётся так, что кажется, телефон выскользнет из рук. Набираю. «Абонент недоступен». Секунда тишины и меня накрывает паника.

Василиса. Она должна быть рядом с ребёнком. Она должна взять! Но экран вновь гаснет – «Выключен». Мир будто схлопывается: *они оба исчезли*.

Остаётся мама. Я замираю, глядя на телефон. В горле ком, будто сейчас задохнусь. Слышать её голос – пытка. Она выбрала сестру, не меня. Она отвернулась. Приняла отношения моего мужа и Василисы. Обида давит сильнее, чем боль в груди. От мамы я ждала хоть какой-то поддержки, хоть чего-то, но не хладнокровного принятия.

Я стою, сжимая телефон, и тяну время. Слышу как ребёнок шевелится, издаёт глухой звук, и мне становится ясно: выбора у меня нет.

Телефон дрожит в руке, экран слепит: сотни пропущенных от мамы. Становится холодно, будто вены наполнились льдом.

Я жму «перезвонить». Сердце срывается в бешеный ритм, в груди отзывается болью, словно шрам внутри разошёлся.

– Лида?! – голос матери резкий, без приветствия, без паузы.

– Мама, что происходит?! – слова вылетают сами, я едва дышу. – Где Василиса? Почему Максим был у меня? Ребенок... Он оставил его у меня и ушел, – хватаюсь за стену, ноги подгибаются. Паника душит, каждое слово даётся рывками. – Объясни мне... немедленно! – голос срывается на крик. – Я не понимаю, что происходит!

– Лида... – в голосе матери нет ни тепла, ни жалости. Только усталость и холод, как сквозняк в пустом доме. – Ты всегда всё ломаешь.

– Что? – у меня перехватывает дыхание. – Мама, где Василиса? Что происходит?

– Она в Париже была, на съёмках, – мать словно читает сухую сводку новостей. – Уже две недели ни слуху ни духу. Телефон отключён. И в этом, Лида, есть и твоя вина.

Я сажусь на кровать. Вина? Моя?

– Ты забрала у Максима всё, что могла, – мать продолжает, будто читает приговор. – После развода у него начались проблемы в бизнесе. Василисе пришлось работать, соглашаться на подработки моделью, мотаться по съёмкам... А теперь её нет. Пропала.

– Но... при чём здесь я?! Я всего лишь взяла то что мое по праву! Даже меньше чем мне было положено, – голос мой срывается, внутри рвётся что-то острое. – Это же они... они предали меня!

– Ты всегда всё рушишь, Лида, – повторяет мать тихо, как заклинание. – Это ты во всем виновата! Если бы Максиму не пришлось выплачивать кредит, то все могло сложиться иначе! Это ты виновата! Ты хоть представляешь как им было сложно?!

У меня темнеет в глазах. Я держусь за телефон, как за спасательный круг, но каждое слово матери тянет вниз, во тьму. Но что-то щёлкает внутри – резкий, холодный щелчок ярости. Поднимаюсь с кровати, ноги ватные, тело кричит от боли.

– Хватит! – рву голос, так что стены дрожат. – Я ни в чем не виновата! – Слова рвутся наружу, срываются с губ, как острые осколки. – Это они предали! Не я! – Сердце колотится, дыхание сбивается, но я кричу, обрушивая на пустоту квартиры всю ярость. – Я не собираюсь

сидеть с этим чудовищем! – голос рвёт грудь, слёзы текут сами. – У меня теперь другая жизнь! Свой проблемы! Свои правила! Вы все меня предали!

Паника, злость, боль – всё смешалось, но вместе с этим приходит странное облегчение.

– Вот как ты заговорила, – голос мамы полон злости. – А я тебя растила, кормила, воспитывала! Даже когда твой отец умер не оставила! А ты не можешь присмотреть за ребёнком родной сестры?

– Вы почти год со мной не общались! А теперь нужна помощь и вы даже просить не собираетесь? Просто ставите перед фактом?

– Ты хоть понимаешь, что происходит? – мама начинает плакать. – Василиса пропала! А ты думаешь только о том, что мы к тебе не правильно обратились? Да я тебе весь день названиваю, а ты трубку не берешь!

– Может потому, что у меня есть своя жизнь? Может потому что не могу? Или не хочу разговаривать? А может потому что у меня была операция и мне нужно отдыхать?

– Да ты только о себе и думаешь! Обидели тебя, столько времени прошло!

– Мне сделали операцию – восстановили грудь. Мне нельзя поднимать ни чего тяжелого, нужно отдыхать как можно больше!

Мама возмущенно выдыхает.

– То есть, тебе грудь дороже племянника? Вот значит какая ты?

У меня уже нет сил бороться с мамой, мне кажется я сейчас упаду в обморок, голова кружится, а тело становится тяжелым.

– Знаешь, вот если бы нормально попросили и дождалась пока я восстановлюсь, то возможно... – я останавливаюсь, мало вероятно что я бы согласилась. Скорее заблокировала бы все номера, но сейчас этого лучше не говорить. – Но сейчас нет!

– А куда мы должны деть ребенка? Максим работает, он разбит, Василиса пропала, мне... Ты думаешь мне сейчас легко? Знаешь, пришло время отдавать долги!

– Какие долги мама? Я вам ни чего не должна! И с ребенком я сидеть не собираюсь! Если он вам не нужен, то мне – подавно! Я не собираюсь быть вашей няней. Я не могу поднимать тяжести, мне нельзя рисковать швами. Вы берёте его сейчас – или я вызываю полицию и оформляю акт о том, что ребёнок оставлен без присмотра.

В трубке затихает дыхание.
– Ты угрожаешь мне? – холодно отвечает мама. – Ну да, всё как всегда – ты сразу с ультиматумом. Сколько драм ты уже устроила в этой семье, Лида...

– Это не драма! – кричу я. – Это о здоровье ребёнка и о моём здоровье. Вы поставили меня с фактом, и я не позволю, делать из себя няньку. Забирать сейчас – и без разговоров.
– Ты ведёшь себя, как эгоистка. Мы все и так на пределе. Если б ты не... Ты всегда выбираешь себя!

Она сбрасывает вызов. Я сжимаю трубку так, что пальцы белеют, внутри всё обрывается: никто не придёт, никто не возьмёт ответственность за них – кроме меня или закона.

Я сижу, сжимая телефон. Чувствую, как внутри всё кипит. Злость на маму – ледяная и колючая – разрастается с каждой секундой. Как она смеет обвинять меня, когда сама не в силах даже посмотреть за дочерью и внуком? Как можно быть такой холодной, такой безразличной к моему страданию, я ведь тоже ее дочь? Сердце рвётся от ярости и обиды, дыхание сбивается, ноги подкашиваются от усталости и боли, но гнев не отпускает.

Вдруг слышу тихий, но отчётливый плач из прихожей. Сначала пытаюсь притвориться, что не слышу, что это не моё дело. Но крик повторяется – всё пронзительнее, сильнее. Внутри что-то сжимается. Сердце подпрыгивает, и паника накатывает снова.

Направляюсь в прихожую, каждое движение даётся с трудом, грудь ноет от операции, мышцы тянет, ноги ватные, но я иду. Каждый шаг отдаётся болью, но крик ребёнка зовёт сильнее, чем боль и злость. Наклоняюсь к люльке, руки дрожат, сердце бешено колотится, но внутри всё ещё гудит ярость на мать.

Снова ощущаю противоречие – злость и обязанность, ненависть и тревогу.

Я смотрю на ребёнка, и внутри меня всё рвётся. Его крик пронизывает меня насквозь, я пытаюсь дышать ровно, но это почти невозможно. Каждый вдох больно сжимает грудь, руки дрожат, а он не замолкает ни на секунду, как будто чувствует мою беспомощность.

Сажусь на пол у люльки, спиной к стене, пытаюсь успокоить его соской, двигаю её медленно, осторожно. Но он только ещё громче кричит, как будто зная, что я не могу его поднять, что я не могу ничего.

Я чувствую абсолютное бессилие. Не могу взять на руки, не могу держать, не могу защитить себя. Паника подступает к горлу, сердце колотится, и слёзы сами текут по щекам. Крик ребёнка превращается в удары по всему телу, сжимаю зубы, без ответа и без решения. Я понимаю, что не способна заботиться о нём, и это осознание давит сильнее любого физического страдания.

– Замолчи хоть на секунду! – кричу я и закрываю лицо руками, мне нужна секунда чтобы подумать, понять как быть дальше. Но выход есть только один и я это понимаю.

Осторожно опускаю руки и ловлю взгляд на телефон. Надеюсь, что мои угрозы – полиция, звонки – смогут хоть как-то вразумить Маму и заставят ее забрать ребёнка.

Как вообще можно отдать своего ребёнка непонятно кому? Как можно оставить меня одну с этим криком, с этим... чудовищем, которое требует внимания, которого я не могу дать? Сердце болит, в голове сумбур, руки дрожат, а решения нет. Вернее оно есть, но на него так сложно решиться.

Я больше не могу слушать этот крик. Он рвёт меня на части. Руки дрожат, я хватаю пакет, что оставил Максим, натыкаюсь на смесь и бутылочку.

Сердце бешено колотится, крик не даёт сосредоточиться, слёзы от бессилия. С трудом читаю инструкцию, слова на бумаге плавают, и всё кажется непосильным.

Смотрю на дверь, словно ожидаю, что Максим или кто-то ещё придёт и заберет этот кричащий комок. Чувствую себя полной неудачницей, не в силах позаботиться даже о себе.

Сглатываю ком в горле и медленно иду на кухню, взвешивая каждое движение. Кажется, даже воздух плотнее обычного.

Возвращаюсь в прихожую со смесью, пытаюсь поднести бутылочку к ребёнку. Он продолжает кричать, как будто чувствует каждую мою нерешительность. Сажусь на пол рядом с ребёнком, пытаюсь успокоить его.

– Тише, тише. Все будет хорошо, – правда я сама не верю своим словам.

Наконец он берет бутылочку в рот, постепенно успокаивается, и несколько минут в тишине – редкий, почти нереальный перерыв. За это короткое время пытаюсь придумать план действий, но все возвращается к надежде что его вот-вот заберут.

Ребенок доедает, кряхтит и появляется что-то подобное улыбке. Но во мне нет теплых чувств, только холодный расчет что нужно делать, что-то да осталось из института. Сейчас необходимо, чтобы он срыгнул. Пытаюсь аккуратно повернуть его на бок в люльке, но положение неудобное, и ребёнок снова начинает реветь, громче и отчаяннее.

Стиснув зубы, решаю: подниму его на руки хотя бы на секунду. Убеждаю себя, что ничего не случится, что это всего лишь мгновение, чтобы он замолчал и срыгнул. Руки дрожат, сердце бешено колотится. Я наклоняюсь, готовая взять его... и в этот момент – стук в дверь, требовательный, резкий.

Сердце подпрыгивает, облегчение во всем теле. Мама, Максим? Его заберут!

Я замерла, ещё не успев поднять ребёнка, поворачиваюсь к двери с надеждой, что там кто-то придёт помочь или хотя бы заберёт его.

Пальцы срываются с защёлки от дрожи, но я всё равно цепляюсь, будто это единственное спасение. Щёлчок – такой простой звук, а внутри меня вспыхивает волна счастья, почти эйфории. Сердце захлёбывается надеждой: сейчас всё кончится, этот кошмар закончится, его

заберут. Мне даже хочется расплакаться от облегчения, так сильно я ждала этого мгновения. Казалось, ещё секунда – и я рухну, но теперь дверь откроется, и вместе с ней придёт спасение.

8

Но за порогом не мама и не Максим.
 На меня смотрит Гусев.

Я смотрю на него и не верю своим глазам. Сначала кажется, что сердце остановилось – но уже в следующую секунду оно рвётся вперёд, горячей волной накрывает всё внутри. Я бросаюсь к нему, обхватываю руками так крепко, будто боюсь, что он исчезнет, как все остальные.

Я всё ещё держусь за него, вцепившись, будто утопающая в единственную доску. Слёзы подступают к глазам, я моргаю, и мир расплывается. Ребёнок кричит, будто режет ножом по нервам, я больше не могу это выносить.

– Пожалуйста... – выдыхаю прямо ему в плечо, голос срывается. – Забери его... Куда угодно... Только не оставляй мне с ним!

Я отстраняюсь, смотрю в его лицо снизу вверх, и понимаю, что он в ступоре. Его взгляд метается: от меня – к ребёнку, от ребёнка – обратно ко мне. В глазах Гусева читается паника, замешательство, даже страх.

– Умоляю... забери его! Куда угодно! Я не могу!

Он отстраняет меня, и его взгляд падает на люльку. Мгновенно лицо темнеет.

– Ты с ума сошла?! Ребенок? Что... Какого... – Гусев задыхается от эмоций. – Ты его поднимала?! Что тут происходит?!

– Я... я не хотела... Максим всучил прямо в руки, в люльку... я не успела отказаться... я... я... – я как школьница пытаюсь оправдаться перед Гусевым.

– Второй день после операции, Лида! Второй день! – он буквально кипит, пальцы сжимаются в кулаки. – Ты понимаешь, что значит поднять даже люльку?! Это нагрузка, которой твоё тело выдержать не может! Швы, кровотечение, некроз... Ты хоть представляешь, на каком ты краю?!

Я отшатаываюсь, пытаюсь что-то объяснить, но слёзы душат.

– Я... только держала... я... я не знала, что делать... он кричал так... – слова выходят обрывками, как у ребёнка.

– Не знала?! – он резко делает шаг ко мне, его глаза сверкают яростью. – Тебе вообще запрещено даже дверь открывать без помощи! А ты – люльку с ребёнком на руках?! Это безумие, Лида!

Я зажимаю уши ладонями, потому что не могу больше слышать этот крик – ни его, ни младенца.

– Они оставили его мне! – вырывается из меня, будто оправдание. – Я не просила! Я не хотела! Я не могу!

Гусев сжимает виски, потом резко наклоняется к люльке, берет ребенка на руки. Его лицо перекошено злостью и болью одновременно, даже немного покраснело, а к глазам читается разочарование.

– Всё, хватит, – сквозь зубы бросает он, выдыхает чтобы успокоиться. – Ты моя пациентка. У меня нет слов чтобы объяснить все что я сейчас испытываю. Я ведь доверился тебе, ты отличный специалист, взрослая женщина. Я... Я... Даже подумать не мог, что ты устроишь такое!

Я даже не могу ни чего ответить, мне стыдно и я опускаю голову. Гусев меня отчитывает и смотрит так, словно я первоклассница, а не его начальница.

Ребёнок наконец успокаивается в руках Гусева, но я всё ещё дрожу от паники, тело будто отказывается слушаться. Стыд обжигает сильнее, чем боль после операции, хочется оправдаться, но слова застревают в горле. Я чувствую себя абсолютно беспомощной, словно подвела всех – себя, Гусева, ребенка... и это ужасно.

– Этот ребенок... – начинаю я, но Гусев мягко, но твёрдо прерывает меня взглядом, и я сразу понимаю: сейчас оправдания не принимаются.

Он направляется к кухне, неся ребёнка, а я автоматом следую за ним, как будто боюсь остаться одной.

– Стоп! – резко останавливает меня он, поворачиваясь с взглядом, который не оставляет сомнений. – Сейчас, ты идешь отдыхать. Я не знаю сколько ты скакала с этим ребенком... Почему я вообще не знал ни чего о ребенке?!

Я моргаю, ещё не успев понять, и он делает шаг вперёд, как врач, который говорит с пациенткой, а не с равной.

– Это не мой ребенок, его вообще тут не должно быть....

– Как ты себя чувствуешь? – его голос строгий, но без злобы, только профессиональная решимость, он словно надел на себя маску спокойствия взяв все под контроль.

– Всё... вроде нормально, – выдавливаю я, хотя сердце бешено колотится, а плечи дрожат от напряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.